

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОД ВЫЖИВАНИЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА ШУХОВА (ИД-854)

Л.А. ПЕРГАМЕНЩИК

В статье представлен опыт анализа процесса переживания и преодоления кризисных событий жизненного пути. Процесс преодоления изучен посредством вхождения в психологическую экспериментальную лабораторию А.И. Солженицына, его отчета в виде повести «Один день Ивана Денисовича».

Ключевые слова: код выживания, переживание, преодоление, время, нравственность, кризисная ситуация, нарратив, поступок, рефлексия, автор, герой.

Вступление первое, терминологическое — код выживания

Во второй четверти XX века исследовательское внимание кризисных психологов перешло от «пострававших» к самостоятельно «выжившим» и психологи приступили к поиску кода выживания. Что это за код выживания, который определяет психическое здоровье человека? Для ответа на вопрос должна была произойти смена парадигм: на место патогенной должен пробиться противоположный подход, который А. Антоновский назвал **салютогенным**. Ростки данной парадигмы обнаруживаем у В. Франкла в его концепции «**выживание через веру в себя**», у П. Тиллиха в концепции «**мужество бытия**». Следующее поколение ученых для объяснения успешности преодоления людьми стрессогенных ситуаций жизненного пути выдвигали различные объяснительные механизмы. Так, упомянутый нами А. Антоновский предложил концепт «**чувство связанности**» [Осин, 2007; Antonovsky, 1979; Antonovsky, 1987], С. Мадди — «**жизнестойкость**» [Леонтьев, Рассказова, 2006], Дж. Гринберг — «**решительность**» [Гринберг, 2002]. Мули Лаад (Lalad M.), известный ученый и практик, директор The Community Stress Prevention Center (Израиль), предложил системный многомерный подход BASICPh, который базируется на шести измерениях, описывающих палитру преодоления человеком кризисного события: верования и ценности (Belief and values); эмоциональный аффект (Affect); социальный (Social); во-

ображение и фантазия (Imaginative); когнитивный (Cognitive); физиологический (Physiological). Комбинация вышеописанных элементов и составляет стиль «выживания каждого» человека [Lahad, 1992]

Вступление второе, гносеологическое — возможность изучения процесса выживания

Изучение душевных страданий представителей «гомо сапиенс» может быть организовано «наблюдателем, который себя к данному виду вроде бы не относит, а потому может рассматривать происходящее с чисто научным интересом — не сопереживать, регистрировать факты» [Чхарташвили, 1993, с. 17]. Это определение возможности изучения «страдания» дано не академическим психологом, а литературоведом Г. Чхарташвили.

Итак, чтобы изучать механизм привлечения ресурсов для преодоления кризисной ситуации, исследователь должен выйти из статуса гомо сапиенс? Может это все же ошибочное убеждение человека, плохо знакомого с исследовательскими процедурами?

Как все это происходит в психологии как науке? Психолог-исследователь, чтобы чужие страдания ему не мешали (основное условие академической психологии), может пропустить процедуру опроса лишь после того как противостояние «человек и кризисная ситуация» завершилось и человек отошел от переживания, которые вызваны экстремальной ситуацией. Но опрос возможен только в случаях, если эта ситуация не «накрыла» человека постравматическим стрессовым расстройством. Таким образом, само исследование в лучшем случае начинается только после того, как завершился фрагмент действительности, в котором человек и предельно кризисной ситуации свой код выживания. Итак, фрагмент, отрезок жизни уже прошел, завершился и вот тут психолог и может приступить к оперированию человеком и ситуацией. Ученый начинает выдвигать поведение лиц, участвовавших в событии, их мысли и чувства, симптомы неблагополучия и настойчиво спрашивать, как ты выжил, что ты использовал в борьбе за выживание.

Для психолога помогающей парадигмы такая ситуация вполне приемлема, так как ему важно не столько восстановить в точности картину прошедшего, сколько зафиксировать нарратив человека, который вышел из кризисной ситуации. Цель рассказанной истории — не столько способ восстановления подробностей происшествия, хотя психолог и уточняет все время картину события, но скорее не с юридической позиции, а с позиции проговаривания текста, и здесь важна не столько точность воспроизведения всего, что связано с событием, сколько сама

необходимость и возможность говорить о том, что произошло. Поэтому нарратив помогающему психологу служит способом «восстановления» психического здоровья, способом кризисного вмешательства, недопущения психической травмы до состояния капсуляции, а не способом восстановления подробной картины происшедшего.

Академическому психологу для восстановления кризисной ситуации свидетельств участника события недостаточно, он ему просто не может и не должен верить. Его свидетельские показания не примет никакой академический суд (ученый совет, научная конференция, ВАК). Любой непредвзятый ученый скажет: человек был в состоянии шока, он «отонул» в переживаниях, он не в состоянии подняться над ситуацией «отстраниться» (В. Франкл). Он не может ничего точно зафиксировать, чтобы к его показаниям было хоть какое-то доверие. Интроспекция хороша, но при изучении «спокойного» сознания. Смогла бы лаборатория В. Вунда изучить интроспективно сознание человека в состоянии оцепенения от происшедшего, когда до сознания самое ужасное не доходит, вытесняется? Ответ отрицательный. Возможности психолога-ученого заканчиваются тогда, когда на жизненном пути человека возникает кризисный фрагмент действительности и человек «включает» механизмы защиты, которые призваны не впустить в фактуальное поле сознания хаос бытия.

Итак, необходимо лабораторное исследование при изучении поведения человека в кризисной ситуации, если мы хотим «увидеть», что происходит с человеком в ситуации невозможности и неопределенности. Для лабораторного исследования необходимо воссоздать экспериментальную ситуацию травмы. Однако сразу возникает вопрос: насколько этично подвергать людей экстремальному испытанию? Как же выйти из этой безвыходной ситуации? Выход есть, так как существует описание тщательно и скрупулезно проведенных лабораторных исследований, результаты которых психологи используют очень осторожно, с некоторым недоверием. Почему? Эти исследования проводили люди без ученых степеней и ученых, способ изложения далек от академического языка. Эти тексты слишком открыты для читателя, включают человека в процесс переживания, а академическая психология требует от ученого отстраненного рассмотрения объекта исследования.

Я предлагаю «войти» в лабораторные исследования Писателя¹. Он каким-то образом встраивается в человеческое поведение, «видит», чув-

¹ По свидетельству В.П. Зинченко, М. Мамардашвили в одной из своих лекций говорил, что рассматривает художественную литературу и поэзию как экспериментальную психологию [Мамардашвили, 2000, с. 135].

ствуует, сопереживает, раскрывает механизмы страдания и преодоления, победы или поражения. Механизм «активного эмоционально-волевого отношения к внутренней определенности человека» [Бахтин, 1986, с. 96]. Лаборатория писателя подробно проанализирована М.М. Бахтиным в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» [Бахтин, 1986]. Тексты Бахтина выходят далеко за пределы эстетики, и для многих психологов, изучающих феномены «страдания», «переживания», «диалога», стали настольными книгами.

Литературное произведение мы предлагаем рассматривать как текст жизни, записанный квалифицированным «свидетелем». Частая задача — «прочсть» этот текст, отнестись к нему бережно, не пропустить важные детали, минимизировать влияние знания, которым мы обладали до текста.

Как правило, на каждый талантливый текст существует целая библиотека, где он анализируется. В эту работу включаются и профессиональные психологи, которые, когда им не хватает психологического материала, не стесняются брать недостающий фрагмент человеческих переживаний у писателей. Я назову некоторых из этих психологов: Э. Фромм, И. Ялом, В.П. Зинченко, список можно продолжить. Мы имеем небольшой опыт обращения к писателям и их текстам для изучения страдания, преодоления потери (смерти близких), последствий невнимания к экзистенциальной вине и т. д. В наш список входят Л. Гинзбург, Г. Гессе, Р. Дефо, Ф. Кафка, Ю. Мисима, А.Т. Толстой [Пергаменщик, 1996, 2002, 2009].

В этом списке еще не было А.И. Солженицына. И вот перед нами текст, описывающий «варожный ад», куда спустился не по своей воле Иван Денисович Шухов. В него входил герой Данте, но он знал, зачем он туда спускается и главное — знал, что наступит время возврата.

Надежность дантео текста будет реализовываться за счет обращения к методу коммуникативной валидности². «Понятие коммуникативной валидности предплагает вопрос о том, кто с кем общается. Кто является законным партнером в диалоге об истинном знании?» [Квале, 2003]. Партнером в установлении истинности, получаемого знания выступает В.Я. Лакштин — доктор филологических наук, ближайший соратник А.Т. Марковского по журналу «Новый мир» в 60—70-е годы XX века.

² У качественников данная процедура имеет различные названия: внешний аудит исследовательского процесса (Улановский А.М.), подтверждаемости (confirmability) (Войскуновский А.Е., Скрипкин С.В.), контроль анализа с помощью нескольких интерпретаторов (Квале С.). «Для обеспечения обоснованности (dependability) и подтверждаемости (confirmability) данных применяется процедура внешнего аудита исследовательского процесса, предполагающая использование независимого консультанта или аудитора...» [18, с. 34].

Иван Денисович Шухов, управляющий временем. Деревенский житель, воевал, попал в плен и по обвинению в шпионской деятельности (ни следователь, ни сам Шухов так и не смогли определить страну, на которую он работал) отправлен в лагерь, в котором на момент нашей встречи с ним отсидел восемь лет.

Когда человек оказывается в кризисной ситуации, он предпринимает усилия, чтобы найти смысл в происшедшем, он приступает к подсчетам виновного и очень надеется, что есть **временные** рамки как жизни, так и проживания этой жизни. Человек в своем опыте и в опыте поколений установил для себя очевидную истину: если у гор есть начало, у него должно быть завершение, конец. Это очень точно представил психолог В. Франкл — свидетель и участник трагического безвременья своей жизни, трагического — потому что временные рамки были изъяты из жизненной ситуации и это самое страшное, что могло произойти с человеком, это попадание в ситуацию безысходности, так как исход как завершение может оформиться только в координатах времени.

Психологический паспорт Ивана Денисовича можно охарактеризовать тремя параметрами. Дотошность, практичность, внимательность — три характеристики, внешне ни к чему не обязывающие, скорее уводящие человека от реальных проблем, которые предъявляет ему кидаящийся «на плечи век-волкодав». Однако в этой мальной ситуации безвременья они оказываются по утверждению второго следователя-свидетеля важнее таких личностных параметров как «жизнестойкость» (С. Мадди) или «чувство связанности» (А. Антоновский). Быть внимательным ко всякой мелочи — важнейшее условие, от которого зависит «благополучие, здоровье и самая жизнь лагерника» [Соловьев, 2008, с. 28]. Внимание к мелочам лагерной жизни позволяло Ивану Шухову выстраивать день, состоящий из «маленьких удач», который потом складывается в день удачи. Почему мелочи, почему к ним необходимо внимание? В любой кризисной ситуации человека поглощает, «захватывает» сама ситуация кризиса, например, смерть близкого, так как мы не можем ничего сделать, не можем изменить ситуацию к лучшему, мы поглощены, мы страдаем под воздействием случившегося. Так произошло с Шуховым: он в лагере и это, безусловно, и страшно и несправедливо, голодно и холодно, много работы и мало сна. Что же делать? Ясно, самый справедливый выход — освобождение, но какой смысл мечтать о несбыточном? Как и со смертью близкого человека, которого не воскресить. Что мы можем сделать в этой ситуации, что в нашем мире происходит кроме трагического события? Оказывается, в мире есть много небольших событий, которые, конечно, ничтожны по значимости в сравнении с главным событием отрезка жизненного пути, в который помимо нашей воли приве-

ла человека его судьба. Мелкие события позволяют нам почувствовать мир, такой мир, в который мы привносим самого себя, свою возможность на него влиять. Мы продолжаем чувствовать, что наш мир управляем, хотя еще вчера или год назад он полностью вышел из наших рук. На важность ощущения, что человек сам выбирает собственную деятельность, свой путь, обратили внимание С. Мадди и А. Антоновский, включив в свои концепции устойчивости к стрессу шкалу, измеряющую управляемость миром: «контроль» (С. Мадди) и «управляемость» (А. Антоновский).

Вернемся к Шухову, к его отношению к мелочам жизни. В тяжелых условиях лагерной жизни Шухов управляет своим временем. Для этого он анатомически разделил свой день на временные отрезки, где он может решать, как себя вести, когда приступит к работе, а когда ее закончить. Возникает ощущение при чтении повести, что перед нами научный отчет об одном дне, проведенный с использованием метода включенного наблюдения. Создается впечатление, что перед нами не заключенный Ш-854, а свободный человек, который занят, правда, тяжелым трудом, его плохо кормят, и у него нет теплой одежды, но главное, что отличает человека свободного — он сам управляет своей жизнью. В оформленном протоколе наблюдения одного дня Ивана Денисовича зафиксировано, что работа, взаимодействие с членами бригады, с соседями по нарам зависит в полной мере от него самого. И когда мы приступаем к интерпретации записей по результатам квазиэксперимента писателя А.И. Солженицына, об одном дне испытуемого Ш-854, мы делаем вывод, что возможность управлять своей жизнью — вернейший путь к освобождению от негативных последствий травмы, освобождению от гнетущего представления, что мир завалился.

Итак, особое внимание к мелочам жизни, до которых травматическая ситуация не добирается, что ей до мелочи, когда она «ударилась» по основе человеческой судьбы — свободе как у Шухова. К свободе на своем примере предлагает двигаться Ш-487 через особое внимание к мелочам жизни. Через внимание к мелочам жизни можно управлять временем жизни. Управление временем происходит у Шухова через растягивание минут удач и через ввод драматических моментов в тень, на задний план жизни.

Важно, что это умение, видимо, поддается развитию. Так, кризисные психологи используют метод В. Франкла «деревлексия», в котором заложена возможность и необходимость перевести внимание пострадавшего от собственно кризисного события на «мелочи» жизни, вокруг него, о которых и идет психотерапевтическая беседа.

Формула управления временем уникальна в уникальных обстоятельствах жизни. У человека в лагере «наряду с концом неопределенности

появляется неопределенность конца...никто из заключенных не мог знать, как долго ему придется там находиться. ...это было, быть может, одним из наиболее тягостных психологических обстоятельств жизни в лагере» [Франкл, 1990, с. 140].

Нравственная составляющая кодекса выживания. За один день перед нами предстало столько материала из жизни Ивана Шухова, что возникло ощущение, что мы встретились с давним знакомым, у которого решили поучиться науке выживания. У Ивана Шухова восьмилетний отрезок жизни состоит сплошь из экстраординарных нечеловеческих условий существования. Я уверен, что если мы поймем, как человек смог выжить в описанных условиях, то у нас будет ключ к выживанию своих кризисных событий, в ситуациях, когда смысл произошедшей беды вроде бы рядом и перед нами не стоит так остро вопрос быть или не быть.

Что же тогда мы для себя определяем в кризисные фрагменты жизненного пути? Мы должны решить: счастливы ли мы, а если с нами что-то случилось, то как вернуть себе этот уровень установившегося докризисного события благополучия. Наполненность шкалы психологического благополучия, как и шкалы счастья, у каждого человека глубоко индивидуальны. Чтобы понять, почему человек считает себя счастливым, благополучным, нужно обратиться к его пониманию несчастья. Оказывается, что в самых тяжелых условиях нечеловеческой жизни человек может считать себя «почти счастливым». В конце дня Шухов подводит итоги и составляет свой список «Робинзона», который психологически выглядит неправильным. Он не говорит об удачах, он использует предлог «не», а психология учит, что нельзя, если хочешь внести удачу в свою жизнь, использовать слово «не». Итак, конец благополучного, обыкновенного лагерьного дня в оценке Шухова выглядит следующим образом: «не посадил..., не выгнали..., не попался..., не заболел». Удивительно, но, оказывается, можно оценить свой день как удачный, описывая его в негативной форме языка. Итак, прожит день в условиях лагеря, который зафиксирован Щ-854 как счастливый. Но какое отношение к прошедшему имеет Иван Шухов, чтобы подводя итоги, он оценил свой день как вполне благополучный? Мы уже отметили, что зафиксировано как не происшедшее, но от удачи из четырех «не» счастье все же появляется. Благополучие требует личных усилий, а не только и не столько удачи и везения, заложенных в итоге дня как фрагмент общей жизни. Завтра день настанет снова и придется подтверждать свое существование завтрашними усилиями. Следствие из первого «К» (Деккарта) М. Мамардашвили можно сформулировать следующими словами: «чтобы быть, надо превосходить» [Мамардашвили, 2000].

Чтобы выделить для себя формулу выживания из небольшого фрагмента жизненного пути, следует обратиться к ключевому эпизоду одного дня: работе Шухова на кладке шлакоблоков. Именно здесь проявилась: внутренняя устойчивость Ивана Шухова, **вера** в себя, в свои руки, в свою бригаду. Экстремальные условия бытия Иван Шухов преолаивает через ценности созидания (В. Франкл). «Для Ивана Денисовича в этой работе нечто большее — радость мастерства, полного и свободного владения своим делом, то вдохновение работы, которое пробуждает в голодном, оборванном эске человеческую гордость и чувство достоинства» [Солженицын, 1963, с. 110]. У Ивана Шухова все торжествует мастера: он не может работать плохо, так как в труде он видит смысл своей жизни, через труд он приходит к уважению к самому себе, через труд он получает уважение от других, от товарищей по бригаде. Его статус в бригаде доходит до статуса бригадира, когда он в руки берет мастерок. «Кто работу крепко тянет, тот над соседями восте бригадира становится» [Солженицын, 1963, с. 83].

Социальные психологи обязательно о, если бы, что в процессе работы статус Шухова переместился на высокую позицию социометрической звезды по деловому критерию выбора: «с кем бы вы хотели работать рядом?».

Отношение к труду и уважение со стороны бригады определило нравственную устойчивость Ивана Шухова. Именно в такой последовательности: творческое отношение к труду — место в бригаде — нравственный кодекс выживания. За спиной Шухова всегда был его труд, который позволял ему крепко стоять в минуты невзгод.

Шухов «примирился» к лагерю, приспособился, адаптировался. Мы встретились с ИИ-81, когда он уже получил опыт 8 лет лагерей, где он «выработал себе некоторые внешние реакции, которые тут есть как бы условие существования: соблюдай лагерный режим, поклонись надзирателю, не ищайся в препирательство с конвоем» [Лакшин, 1964, с. 84]. Перед нами предшли условия физического выживания, которые в ситуации борьбы за пайку и за остатки тепла оказываются недостаточными. Окончательную победу в одном дне Шухов совершил именно на границе добра и зла, взяв нравственные принципы в основу своей модели жизни. ИИ-85, следует нравственному кодексу выживания, который и позволяет в невыносимых условиях бытия остаться человеком. Писатель А.И. Солженицын скорее всего не был знаком с лагерным опытом В. Франкла и не читал его знаменитое «Психолог в концентрационном лагере», но мысли у них сходны: тот и другой на собственном опыте выстрадали ту формулу выживания, которую апробировали и предложили читателям для обсуж-

дения. «В конечном счете, телесно-душевный упадок зависел от духовной установки, но в этой духовной установке человек был свободен!» [Франкл, 1990, с. 143]. Эту духовную установку Франкл назвал «упрямство духа». Шанс выжить зависит от отношения человека к жизни, от его духовной установки в конкретной ситуации. И еще «человеку важно умереть своей смертью» [Франкл, 1990, с. 152]. В своей пронзительно-книжке В. Франкл цитирует психоаналитика Е. Коэна (E.A. Cohen): «Обычно человек живет в царстве жизни; в концлагере же люди жили в царстве смерти. В царстве жизни можно уйти из жизни, совершив самоубийство; в концлагере можно было уйти только в духовную жизнь. Только те могли уйти из царства смерти, кто мог вести духовную жизнь. Если кто-то переставал ценить духовное, спасения не было, и ему приходил конец. Сильное влечение к жизни при отсутствии духовной жизни приводило лишь к самоубийству» [[Франкл, 1990, с. 153] физическому, когда человек накладывает на себя руки, или духовному, когда позволяет другому «наложить» на него руки, предавая самого себя.

Передачи, отдачи, предательства самого себя выходят за рамки нравственного кодекса³ Ивана Шухова. Человек гибнет, если ходит к куму стучать. «Духовная жизнь заключенного укрепляла его, помогала ему адаптироваться и тем самым в существенной степени повышала его шансы на выживание» [Франкл, 1990, с. 153].

Обратимся к карте наблюдений писателя-свидетеля А.И. Солженицына. В лагере погибает тот, кто миски лижет, кто на санчасть надеется, да кто к куму ходит стучать. Итак, сформулированы три условия выживания.

В повести еще добавляется эстетический критерий выживания: «шапку надо снимать при приеме пищи». У В. Франкла еще более прозаически — «рубы надо постоянно чистить, если жить хочешь».

Какое значение имеет нравственный критерий в поисках кода выживания? Не предавай своих товарищей, не ходи к куму стучать. Почему нравственное отступление приводит к физической гибели, отказ от нравственной позиции переводит жизнь человека на последний окончательный этап сопротивления? Поражение человеческой нравственности происходит в борьбе за выживание, которое означает сдачу человеческой, нравственной позиции, самоунижение — доведение себя до животного уровня. Человек терпит поражение в той области, до которой не может дойти ни один палач. Иван Шухов обозначает этот путь

³ В ситуации выбора «жизнь — смерть» поставив на кон физическое выживание, Рыбак — герой повести В. Быкова «Сотников» умирает духовно [3].

как позорное приспособление. Этот путь легкий, а легкий путь приводит к потере сопротивляемости и, как следствие, наступает реальная физическая гибель. Шухову позволяет выдержать непростой нравственный кодекс чести. Критически настроенный читатель может спросить: проводились ли исследования связи творчества, мастерства и возможности выживания в экстремальных условиях. Выводы сделаны на основании опыта жизни человека, который прожил и на своей судьбе прошел экспериментальное исследование, вычитал такие же результаты у других экспериментаторов и предъявил нам, читателям.

Послесловие. Поступок и его рефлексия. Мы завершили анализ поведения Ш-854, в том виде, как нам представил А.И. Солженицын, который выступил в роли нарратора. Понимает ли сам испытуемый, что у него появилась стратегия преодоления, которую А.И. Солженицын оценил как адаптивную, психолог Л.А. Пергаменщик — как позволяющую выжить, а внешний аудитор В.Я. Лакшин задолго до психологического вмешательства делает такой же вывод. Пока я не приступил к анализу текста «Один день Ивана Денисовича», существовал нарратор — А.И. Солженицын и герой нарратива — И.Д. Шухов. Похожая ситуация каждый раз возникает в академической психологии: есть исследователь и есть испытуемый. Ученый, чтобы получить исследовательские результаты, которые затем появляются в письменном виде (отчет, книга, статья), ответить на выдвинутую гипотезу, организует наблюдение, использует разнообразный психодиагностический инструментарий. После обработки полученных данных он проводит процедуру интерпретации и только здесь может появиться или нет личность испытуемого, человек со своими стратегиями преодоления. При рождении литературного произведения мы становимся свидетелями схожего механизма рождения текста. Только после проведения процедуры интерпретации и записи этой процедуры в виде повести, рассказа, романа появляется герой со своей стратегией преодоления.

Итак, герой, испытуемый — понимает ли он свое поведение, анализирует, рефлексиирует свои поступки? Или его полностью «закрывает» исследователь, писатель, и от него он полностью зависим?

Другими словами, моя интерпретация в научной статье, как и текст писателя в художественной повести, отличается только по способу сбора жизненного материала. Но мы уже отметили, что в нашем случае собрать материал, используя научный психодиагностический инструментарий, нет возможности. Мы пошли другим путем, доверились экспериментальному материалу научной лаборатории писателя. И что мы получили: отчет ученого, писателя или все же фрагмент жизни, по которому судим, как человек преодолевает трудности жизненного пути? Чем

отличается сама жизнь от жизни рассказанной? Можно ли согласиться с метафорой Дж. Брунера: «жизнь как нарратив»?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратились к М.М. Бахтину⁴, который анализирует два феномена: а) активность человека и б) рефлексивность этой активности. Обратимся к самому тексту: «Живущий человек изнутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком» [Бахтин, 1986, с. 129]. Шухов в течение одного дня совершал поступки, размышлял о своем поведении, т. е. существовал осознанно. Итак, первый тезис формулы Бахтина: человек есть то, что он сделал из себя поступком, человек есть поступок. Человек есть то, что он сделал своей активностью, которая может иметь несколько ипостасей: слово, дело, мысль, чувство. Эта линия продолжает формулу Декарта: я мыслю, следовательно, я существую. И Р. Декарт и М.М. Бахтин утверждают, что человеческое существование определяется мыслью, правда, Бахтин добавляет другие виды активности: слово, чувство, дело. В другом месте М. Мамардашвили заметит все эти слова одним — активностью [Мамардашвили, 2000].

Пойдем дальше: «Однако я не определяю и не определяю непосредственно себя самого поступком; я существую им какую-нибудь предметную, смысловую значимость, но не себя как нечто определенное и определяемое» [Бахтин, 1986, с. 129]. Эта мысль меня несколько озадачила. Выходит, что через поступок я не определяю самого себя, а только некую значимость: предметную и смысловую. С этим тезисом Бахтина мне трудно согласиться: я всегда считал (меня так учили), что о человеке можно судить по его делам (поступкам), а не по его словам. «В поступке отсутствует момент саморефлексии поступающей личности, он движется в объективном, значимом контексте: в мире узкопрактических (жизненно-житейских) целей, социальных, политических ценностей, познавательных значимостей (поступок познания), эстетических ценностей (поступок художественного творчества или восприятия) и, наконец, в собственно нравственной области (в мире ценностей узкоэтических, в непосредственном отношении к добру и злу)» [Бахтин, 1986, с. 129].

«Мое поступающее сознание как таковое ставит только вопросы: зачем, для чего, как правильно или нет, нужно или не нужно, должно или не должно, добро или не добро, но никогда не ставит вопросов: кто я, что я и

⁴ У меня создалось впечатление, что Бахтин анализирует повесть А.И. Солженицына, хотя этот текст Бахтина писался за 40 лет до появления в «Новом мире» повести Солженицына.

каков я»⁵ [Бахтин, 1986, с. 29]. Допустим, я согласился с Бахтиным, но тогда остается невыясненным вопрос: почему сознание не поднимается над собой в поисках самосознания? Когда сознание приступает к постановке этих вопросов: «кто я, что я и каков я». Не об этом ли говорит М. Мамардашвили в «принципе Кафки»: По правильному, и внешне нравственному поступку мы еще не можем знать, что есть человек, если не знаем, как он относится к поступку, если поступок не стал частью его Я, если нравственный поступок не стал частью его нравственного Я [Мамардашвили, 2000].

Итак, Бахтин анализирует деятельность героя, у которого есть автор. Что же происходит у человека, у которого нет автора, как то происходит через ситуацию жизненной активности? Во-первых, нет человека, у которого бы не было автора (ученого, писателя, рассказчика или самоавтора), во-вторых, Бахтин как бы подозревал в возможности таких вопросов, и дальше мы читаем. «Несколько сложнее обстоит дело с чисто жизненной активности ... Однако и здесь все мое входит в предметную заданность поступка, противостоит ему как определенная цель, и здесь мотивационный контекст самого поступка лишен героя. И так, в окончательном итоге: поступок выраженный, высказанный во всей его чистоте, без привлечения трансгрессионных⁶ моментов и целей, чуждых ему самому, окажется без героя как существенной определенности» [Бахтин, 1986, с. 130]. Сам по себе поступок еще не приводит к существенной определенности, другими словами, по поступку мы еще не можем судить о сущности личности.

Личность проявляется не в поступке, а в переживании поступка, в процессе рефлексии (саморефлексии). Недостаточно прожить фрагмент действительности, надо отнести к чему. Психологи используют категории «рефлексия», «переживание», «самотрансценденция» для обозначения механизма появления на сцене жизни личности. Недостаточно быть, а в поступках проявляется только лики бытия, существования, важно еще подняться над своим бытием, об этом продолжение формулы Р. Декарта: чтобы бытие не исчезло надо постоянно мыслить об этом бытии, чтобы быть, надо превосходить, чтобы быть, надо иметь возможность наименовать [Мамардашвили, 2000]. Ученые психологи нередко фиксируют бытие наших испытуемых, а затем домысливают за них, доживают за них, допереживают за них.

⁵ Бахтин отмечает, что поступающее сознание не ставит вопрос о самосознании, но он понимает, что для завершения цикла сознание-поступок-осознание необходимо провести отдельно анализ когнитивной (кто я) и эмоциональной (каков я) составляющих самосознания.

⁶ Понятие трансгрессионный означает внеположенность по отношению к внутреннему составу мира героя моментами. Термин взят Бахтиным из «Общей эстетики» Ионаса Кона [2].

Так и возникает в исследовательских текстах феномен, который поэт метафорически точно обозначил: «как дурно пахнут мертвые слова».

Заключение

Итак, мы завершили процедуру входа в экспериментальную лабораторию писателя, которая позволила получить доступ к поведению человека в кризисной ситуации. Мы хотели понять механизм выживания, стратегию выживания. Перед нами предстал крайний случай человеческого бытия — погружение в ад. Мы считаем, что если в аду человек может победиться судьбой, то он получает опыт для всей оставшейся жизни, но сам представляет и нам опыт преодоления кризисных событий жизненного пути.

Какой опыт мы можем извлечь из давней повести знаменитого писателя? В трудные минуты жизненного пути не надо пренебрегать мелочами этого пути. Именно «незначительное» в твоей жизни может поддержать тебя очень значительно, заметно, эффективно. Нравственная устойчивость, в конечном счете, завершит твою собственную формулу выживания, твой успех — неуспех выживания.

ЛИТЕРАТУРА

- Анцифурова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Анцифурова Л.И. // Психологический журнал. 1994. № 1.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. — 445 с.
- Быков В. Сотников. М.: АСТ, 2004. 190 с.
- Войскуновский А.Е., Скрипкин С.В. Качественный анализ данных // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 2. С. 93—109.
- Гринберг Дж. Управление стрессом / Гринберг Дж. 7-е изд. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
- Квале С. Исследовательское интервью / С. Квале. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / Зинченко В.П. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Кризисная психология. Справочник практического психолога / Сост. С.Л. Соловьев. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 286 с.
- Малардашвили М. Сознание и бытие // Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2009. 400 с.
- Лакшин В.Я. «Иван Денисович», его друзья и недруги / Лакшин В.Я. Новый мир. 1964. № 1.
- Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. М.: Смысл, 2006. 63 с.
- Осин Е.Н. Чувство связанности как показатель психологического здоровья и его диагностика / Осин, Е.Н. / Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22—40.
- Пергаменщик Л.А. Список Робинзона: Психологический практикум / Л.А. Пергаменщик. Мн.: Ильин В.П., 1996. 128 с.

- Пергаменщик Л.А.* Психотерапия Л.Н. Толстого / Образование и воспитание. Минск, № 10. — С. 25—33.
- Пергаменщик Л.* Почему надо любить себя / Психология. Минск, 1996. № 4. С. 114—121.
- Пергаменщик Л.А.* Иллюстрированный анализ человеческого страдания. Минск. Психология. 2002. № 3. С. 91—105.
- Пергаменщик Л.А.* Психическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия / Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 1. С. 99—111.
- Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича. Повесть. М.: СП, 1963. 144 с.
- Тиллих Пауль.* Избранное: теология культуры / П. Тиллих. М.: Юрист, 1995. 479 с.
- Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27—37.
- Франкл В.* Психолог в концентрационном лагере // Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990. 368с.
- Чхартавили Г.* Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или как уничтожить храм // Мисима Ю. Золотой храм: Роман, новеллы, пьесы. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 5—30.
- Шаламова В.* «Перчатка или КР-2: Рассказы». М.: Собрита, 1990. 336 с.
- Antonovsky A.* Health, Stress and Coping. San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
- Antonovsky A.* Unravelling the Mystery of Health. San Francisco: Jossey-Bass, 1987.
- Maddi S.R., Khoshaba D.M.* Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. № 2.
- Lahad M.* (1992) Storymaking in assessment method for coping with stress. In S. Jennings (ed.), *dramatherapy Theory and Practice* // (pp. 150—163). London: Routledge.
- Lahad M.* BASIC Ph — The story of coping resources, *Community Stress Prevention* (Vol. II). (eds.) Lahad.

IVAN DENISOVICH (SCH-845) PSYCHOLOGICAL SURVIVAL CODE

L.A. PERGAMENSHCHIK

The paper provides an analysis of how a person experiences and overcomes critical life situations. The process of overcoming is explored by means of joining Aleksandr Solzhenitsyn's experimental psychological laboratory described in his novel *One Day in the Life of Ivan Denisovich*.

Keywords: psychological survival code, suffering, experience, overcoming, time, morality, critical situation, narrative, deed, reflection, author, hero.

Ancifirova L.I. Lichnost' v trudnyh zhiznennyh usloviyah: pereosmyslenie, preobrazovanie situacij i psihologicheskaja zashchita / Ancifirova L.I. // Psihologicheskij zhurnal. 1994. № 1.

- Bahtin M.M.* Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
- Bykov V.* Sotnikov. M.:AST, 2004. 190 s.
- Vojskunovskij A.E., Skripkin S.V.* Kachestvennyj analiz dannyh // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14, psihologija. 2001. № 2. S. 93—109.
- Grinberg Dzh.* Upravlenie stressom / Grinberg Dzh. 7-e izd. SPb.: Piter, 2002. 496 s.
- Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'ju / S. Kvale. M.: Smysl, 2003. 301 s.
- Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskij akt / Zinchenko V.P. M.: Jazyki slavjanski kul'tur, 2010.
- Krizisnaja psihologija. Spravochnik praktičeskogo psihologa / sost. S.L. Sidorov. M.: AST; SPb.: Sova, 2008. 286 s.
- Mamardashvili M.* Soznanie i bytie // Moj opyt netipičen. SPb.: A. bulva, 2000. 400 s.
- Lakshin V. Ja.* "Ivan Denisovich", ego druž'ja i nedrug / Lakshin V. Ja. Novyj mir, 1964. № 1.
- Leont'ev D.A.* Rasskazova E.I. Test zhiznestojkosti / D.A. Leont'ev, E.I. Rasskazova. M.: Smysl, 2006. 63s.
- Osin E.N.* Chuvstvo svjazannosti kak pokazatel' psihologičeskogo zdorov'ja i ego diagnostika / Osin, E.N. / M. Psihologičeskaja diagnostika. 2007. № 3. S. 22—40.
- Pergamenshhik L.A.* Spisok Robinzona: Psihologičeskij praktikum / L.A. Pergamenshhik. Mn.: Il'in V.P., 1996. 128 s.
- Pergamenshhik L.A.* Psihoterapija L.N. Tolstogo / Obrazovanie i vospitanie, Minsk, № 10. S. 25—33.
- Pergamenshhik L.* Pochemu nado ljubiti sebe? // Psihologija. Minsk, 1996. № 4. S. 114—121.
- Pergamenshhik L.A.* Illjustrirovanyj analiz čelovečeskogo stradanija Psihologija. Minsk, 2002 — № 3. S. 91—105.
- Pergamenshhik L.A.* Psihicheskoe očepenenie kak razryv nepreryvnosti bytija / Moskovskij psihoterapevtičeskij žurnal. 2009. № 1. S. 99—111.
- Solzhenicyn A.I.* Odin den' Ivana Denisovicha. Povest'. M.: SP, 1963. 144 s.
- Tillih Paul'.* Izbrannoe: teologija kul'tury / P. Tillih. M.: Jurist, 1995. 479 s.
- Ulanovskij A.M.* Kachestvennaja metodologija i konstruktivistiskaja orientacija v psihologii // Voprosy psihologii. 2006. № 3. S. 27—37.
- Frankl V.* Psiholog v koncentracionnom lagere // Čelovek v poiskah smysla: Sbornik. M.: Progress, 1990. 368s.
- Chhartshvil G.* Zhizn' i smert' Jukio Misimy, ili kak unichtozhit' hram// Misima Ju. Žiznetičeskie Roman, novelly, p'esy. SPb.: Severo-Zapad, 1993. S. 5—30.
- Shamova V.* "Perchatka ili KR-2: Rasskazy". M.: Orbita, 1990. 336 s.
- Antonovsky A.* Health, Stress and Copoing. San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
- Antonovsky A.* Unravelling the Mystery of Health. San Francisco: Jossey-Bass, 1987.
- Maddi G.R., Khoshaba D.M.* Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. № 2.
- Lanad M.* (1992) Storymaking in assessment method for coping with stress. In S. Jennings (ed.), dramatherapy Theory and Practice || (pp. 150—163). London: Routledge.
- Lahad M.* BASIC Ph — The story of coping resources, Community Stress Prevention (Vol. II). (eds.) Lahad.